

КНИГИ И ИХЪ СУДЬБЫ.

Пойди... и впиши это въ книгу, чтобъ осталось на будущее время, на всегда, на вѣки.

(Исаи 30; 8).

Возьми себѣ книжный свитокъ и напиши въ немъ все слова, которыя Я говорилъ тебѣ....

(Иер. 36; 2).

Въ настоящемъ году церковное празднованіе памяти первоучителей Словенскихъ совпадаетъ съ днемъ Преполовенія. А въ этотъ день церковь воспоминаетъ тотъ послѣдній великій день древняго праздника, когда Иисусъ Христосъ возгласилъ: кто жаждетъ, —иди ко Мнѣ и пей! (Иоан. 7, 37).

Произнося эти призывныя слова болѣе возвышеннымъ, чѣмъ обыкновенно, голосомъ—какъ дается это чувствовать каждому читающему евангельское повѣствованіе—Господь, какъ толкователи думаютъ, воспользовался смысломъ и обрядомъ ветхозавѣтнаго праздника Кущей, какъ и часто Онъ пользовался образами, указываемыми случаемъ или событіемъ.

Во время семидневнаго праздника Кущей, ежедневно, утромъ совершался обрядъ или жертва возліянія воды. Ежедневно народъ, собиравшійся на праздникъ въ Іерусалимъ, по окончаніи утренней жертвы въ храмѣ, шель съ очереднымъ священникомъ къ священнымъ водамъ Силоама, текущимъ тихо (Исаи, 8, 6). Здѣсь священникъ наполнялъ водою изъ источника золотой сосудъ определенной вмѣстимости и несъ его при радостныхъ кликахъ народа подъ звуки трубъ и кимваловъ левитскихъ, къ храму; онъ восходилъ съ полной чашей на алтарь жертвенный и совершалъ жертву возліянія; а народъ пѣлъ подъ звуки храмовой музыки слова Исаи пророка: „въ радости будете почерпать

воду изъ источниковъ спасенія и скажете въ тотъ день: славьте Господа, призывайте имя Его; возвѣщайте въ народахъ дѣла Его; напоминайте, что велико имя Его; пойте Господу, ибо Онъ сдѣлалъ великое, — да знаютъ это по всей землѣ. Веселись и радуйся жительница Сіона, ибо великъ посреди тебя Святыи Израилевъ!“ (12; 3—6).

Слова великаго пророка относятся къ временамъ Мессіанскимъ. Но въ прямомъ смыслѣ, жертвою—обрядомъ возліянія воспоминалось изведеніе Моусеемъ во время странствованія евреевъ въ пустынѣ воды изъ скалы, когда не находили воды и жаждавшій народъ началъ роптать (Исх. 17; 1—7. Ср. 1 Кор. 10; 4). Этимъ-то воспоминательнымъ обрядомъ и образомъ Господь, вѣроятно, и воспользовался въ настоящемъ случаѣ для изложенія Своего ученія о благодати Святаго Духа, которую Онъ пошлетъ въ міръ по Своемъ прославленіи. Онъ здѣсь сравниваетъ Себя со скалой, источившей воду въ пустынѣ для жаждущихъ, или лучше—указываетъ на Себя, какъ на источникъ благодати, сѣновнымъ образомъ котораго была та пустынная скала ¹⁾.

Въ Вавилонскомъ Талмудѣ есть замѣтка: „кто не видалъ веселья на праздникѣ почерпанія воды — тотъ не видалъ настоящаго веселья“ ²⁾.

Въ этомъ присловьѣ, не смотря на всю фантастичность талмудическихъ разсказовъ вообще, мы можемъ не усматривать большого преувеличенія. Въ самомъ дѣлѣ, присутствуя на празднествѣ и участвуя при обрядѣ возліянія воды, проникалъ ли умный Іудей своимъ духовнымъ взоромъ въ то Мессіанское будущее, когда имѣетъ быть неопредѣлимое никакою мѣрою—въ формѣ и вмѣстимости сосуда—изліяніе отъ Духа Божія на всякую плотъ (Іоиль 2; 28—29); или же—менѣе дальнозоркій онъ только вспоминалъ стародавнее утоленіе жгучей жажды своихъ отцовъ (Исх. 17, 1—7), а еще болѣе недалнозоркій—простой народъ—*am ha-arez*—благодаря Бога за оконченный хозяйственный годъ, питалъ то возрѣніе, что Онъ—Іегова—дастъ дождь ранній и поздній, какъ прежде, и на будущее время, и на

¹⁾ Толковое Евангеліе Арх. Михаила. 1874 г. кн. 3. стр. 274—275.

²⁾ Der Babilonische Talmud. Tractat Succa. Wunsch 1886. s. 397.

полнятся гумна хлѣбомъ, переполнятся подточилія винограднымъ сокомъ и елеемъ (Іоиль 2; 23—24),—праздникъ былъ и оставался праздникомъ для всѣхъ. Развѣ это не празднованіе—исповѣданіе и оказанной народу Божіей любви въ прошломъ и вѣры въ непреложность Его обѣтованій и надежды, что эти обѣтованія,—духовно-ли, или матеріально понимаемая,—разрѣшатся и „раннимъ и позднимъ дождемъ надъ жаждущей пустыней?“. Все радовало: прошлое—за отцовъ, настоящее — за себя, будущее — за потомковъ... Это былъ, дѣйствительно, праздникъ.

Какъ высоко цѣнили Іудеи этотъ праздникъ и особенно актъ возліянія воды силоамской на жертвенникъ, мы можемъ видѣть изъ разсказа Іосифа Флавія. Лѣтъ за сто до Р. Христова царь и первосвященникъ вмѣстѣ, Александръ Іанней, державшійся саддукейскихъ воззрѣній въ дѣлѣ вѣры и церковной обрядности, когда въ праздникъ Кущей дошло до церемоніи возліянія воды на алтарь, съ намѣреніемъ предать особому глумленію этотъ обрядъ, хотя ясно не указанный и не предписанный въ законѣ Моисеевомъ, однако-жь вѣроятно довольно древній по своему происхожденію (ср. 1 Цар. 7; 6. Ісаи 12; 3) и особенно цѣнимый фарисействовавшимъ въ массѣ народомъ, вылилъ воду не на алтарь, какъ бы слѣдовало, а къ своимъ ногамъ. Возмущенный этимъ, такъ неблаговидно-грубымъ, поступкомъ народъ забросалъ Александра лимонами и яблоками, съ каковыми плодами являлся каждый муштина—іудей въ храмъ въ праздникъ Кущей,—и громко порицалъ его какъ сына плѣнницы, который не можетъ по этому самому носить на себѣ достоинства священническаго. Произошло открытое возстаніе и Іанней только при помощи войска въ этотъ разъ подавилъ его. Іудеи заплатили за дорогую религіозную церемонію шестью тысячами жизней ¹⁾).

Нѣтъ нужды говорить въ подробности о томъ, какъ праздновался этотъ седмидневный праздникъ ²⁾; какія разнообразныя воззрѣнія полагались въ основу символическаго обряда возліянія силоамской воды на жертвенникъ и на ка-

¹⁾ Древности. Книга 13; 13, 5.

²⁾ См. С. Терновскаго. Праздникъ Кущей у евреевъ. Базань, 1890 г. Отдѣльный оттискъ изъ „Пр. Собесѣдника“.

кія мысли наводилъ этотъ обрядъ массы іудеевъ, собиравшихся отовсюду къ храму на радостный праздникъ, торжественнѣйшій изъ всѣхъ еврейскихъ праздниковъ. (Ср. Іоилъ 2; 23—24. Зах. 14; 8, 16—19. Іезек. 47; 1—12). Не можемъ только не отмѣтить одной черты, характеризовавшей этотъ праздникъ еврейскій. Въ книгѣ Нееміи читаемъ: „нашли написанное въ законѣ, который Господь далъ чрезъ Моисея, чтобы сыны Израилевы въ седьмомъ мѣсяцѣ, въ праздникъ, жили въ кущахъ. И потому объявили и провозгласили по всѣмъ городамъ и въ Іерусалимѣ, говоря: пойдите на гору и несите вѣтви маслины садовой и вѣтви маслины дикой, и вѣтви миртовой и вѣтви пальмовыя, и вѣтви другихъ широколиственныхъ деревъ, чтобы сдѣлать кущи по написанному. И пошелъ народъ, и принесли и сдѣлали себѣ кущи, каждый на своей кровлѣ и на дворахъ своихъ, и на дворахъ дома Божія, и на площади у Водяныхъ воротъ... Все общество возвратившихся изъ плѣна сдѣлало кущи и жили въ кущахъ... Радость была весьма великая. И читали изъ книги закона Божія каждый день, отъ перваго дня до послѣдняго. И праздновали праздникъ семь дней, и въ восьмой день поспражнество по уставу (8; 14—18) (ср. Лев. 23; 36—44. Числь 29; 35. 2 Макк. 10; 6).

Въ обычные годы въ дни Кущей въ храмѣ заканчивалось чтеніе Моисеева закона, начатое послѣ прошлагодняго праздника и продолжавшееся въ различныхъ мѣстныхъ синагогахъ. Въ субботній же годъ въ этотъ праздникъ прочитывался весь законъ и даже женщины обязаны были тогда присутствовать при этомъ чтеніи ¹⁾.

И вотъ, когда съ окончаніемъ праздника прекратился обрядъ возліанія воды на алтарь до слѣдующаго года; когда умолкло на время и чтеніе словъ ветхаго закона, бывшихъ для духовной гортани истиннаго Іудея сладчайшими меда (Псал. 118; 103. ср. Псал. 18; 8—11),— „въ послѣдній великій день праздника Іисусъ, какъ основатель завѣта новаго, возгласилъ, говоря: кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей! Кто вѣруетъ въ Меня,—утого, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева потекутъ рѣки воды живой. Сіе сказалъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 23—24.

Овъ о Духѣ, Котораго имѣли принять вѣрующіе въ Него“, объясняетъ евангелистъ Іоаннъ (7; 37—39). Соотношеніе между окончившеюся ветхозавѣтною религіозною церемоніею и новозавѣтнымъ ученіемъ — пророчествомъ должно было дѣйствовать глубоко на чуткіе умы и отзывчивыя сердца...

Какъ Іудеямъ, слушавшимъ въ праздникъ Кущей слова закона Божія не изъ живыхъ устъ Моусея, — такъ и намъ въ день Преполовенія теперь приходится слушать слово жизни не отъ Самаго Слова жизни, которое Его непосредственные слышатели — ученики видѣли своими очами, разсматривали, даже осязали руками (Іоанна 1 посл. 1, 1), а чрезъ посредство лишь написанныхъ книгъ (Іоанна 21; 25. Дѣяній 1, 1).

Слово, заповѣданное въ тысячу родовъ, въ завѣтъ вѣчный (Псал. 104; 8—10), хотя бы оно передавалось въ уши людей и чрезъ книгу, должно было бы вызывать единственный отвѣтъ, созвучный отвѣту Самуила: вотъ я! Говори, Господи, ибо слышитъ рабъ твой! (1 Цар. 3; 4—10). Однакоже есть люди, которые не только ушами съ трудомъ слышатъ (Исаи 6; 9—10. Мо. 13; 15), или совсѣмъ не слышатъ (Псал. 134; 17—18); но, по древнему возрѣнію, какъ аспиды затыкаютъ уши свои, чтобы не слышать голоса заклинателя, даже самаго искуснаго въ заклинаніяхъ (Псал. 77; 5—6).

Кто терпитъ отъ этого? Человѣкъ ли, затыкающій свои уши для всякаго слышанія, или — живое слово и написанная книга, — приглашающіе одинаково: кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ! (Мо. 11; 15). Кто жаждетъ, иди и пей! (Іоанна 7; 37).

Это, конечно, совсѣмъ напрасный вопросъ. „Какъ дождь и снѣгъ нисходитъ съ неба и туда не возвращается, но напоетъ землю и дѣлаетъ ее способною рождать и произращать, чтобы она давала сѣмя тому, кто сѣетъ и хлѣбъ тому, кто ѣстъ, — такъ и слово Мое, которое исходитъ изъ устъ Моихъ, — оно не возвращается ко Мнѣ тщетнымъ, но исполняетъ то, что Мнѣ угодно, и совершаетъ то, для чего Я послалъ его“. (Исаи 55; 10—11).

Слово Божіе, какъ посѣянное сѣятелемъ сѣмя, несомнѣнно

должно принести свой плодъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо напраснымъ сѣяніемъ; только различны почвы, различна воспримчивость, различны и плодоношенія: иное на доброй землѣ приноситъ плодъ сторичный, иное упало при дорогѣ и потоптано... (Луки 8; 5—8).

„Въ четвертый годъ Іоакима, сына Іосіа, царя Іудейскаго (около 606 до Р. Хр.) было такое слово къ Іереміи отъ Господа: возьми себѣ книжный свитокъ и напиши въ немъ всѣ слова, которыя Я говорилъ тебѣ объ Израилѣ и объ Іудѣ и о всѣхъ народахъ съ того дня, какъ Я началъ говорить тебѣ, отъ дней Іосіа — до сего дня; можетъ быть домъ Іудинъ услышитъ о всѣхъ бѣдствіяхъ, какія Я помышляю сдѣлать имъ, чтобъ они обратились каждый отъ злаго пути своего, чтобъ Я простилъ неправду ихъ и грѣхъ ихъ. И призвалъ Іеремія Варуха, сына Ниріа, и написалъ Варухъ въ книжный свитокъ изъ устъ Іереміи всѣ слова Господа, которыя Онъ говорилъ ему. И приказалъ Іеремія Варуху и сказалъ: „я заключенъ и не могу идти въ домъ Господень; и такъ иди ты и прочитай написанныя тобою въ свиткѣ съ устъ моихъ слова Господни въ слухъ народа въ домѣ Господнемъ въ день поста, также въ слухъ всѣхъ Іудеевъ, пришедшихъ изъ городовъ своихъ, прочитай ихъ; можетъ быть они вознесутъ смиренное моленіе предъ лице Господа и обратятся каждый отъ злаго пути своего; ибо великъ гнѣвъ и негодованіе, которое объявилъ Господь на народъ сей“. Варухъ сдѣлалъ все, что приказалъ ему пророкъ Іеремія, чтобы слова Господни, написанныя въ свиткѣ, прочитаны въ домѣ Господнемъ. Въ пятый годъ Іоакима, ... объявили постъ предъ лицемъ Господа всему народу въ Іерусалимѣ и всему народу, пришедшему въ Іерусалимъ изъ городовъ Іудейскихъ. И прочиталъ Варухъ написанныя въ свиткѣ слова Іереміи въ домѣ Господнемъ, въ комнатѣ Гемаріа, сына Сафанова, писца, на верхнемъ дворѣ, у входа въ новыя ворота дома Господня, въ слухъ всего народа. Михей, сынъ Гемаріа, сына Сафанова, слышалъ всѣ слова Господни, написанныя въ свиткѣ, и сошелъ въ домъ царя, въ комнату царскаго писца, и вотъ тамъ сидѣли всѣ князья: Елисамъ—царскій писецъ, и Делаія сынъ Семаія, и Елнаеанъ сынъ Ахбора, и Гемарія сынъ Сафана, и Седекія

сынъ Ананіи, и всѣ князья; и пересказалъ имъ Михей всѣ слова, которыя онъ слышалъ, когда Варухъ читалъ свитоки въ слухъ народа. Тогда всѣ князья послали къ Варуху Іегудія... сказать ему: „свитокъ, который ты читалъ въ слухъ народа, возьми въ руку твою и приди“. И взялъ Варухъ свитокъ въ руку свою и пришелъ къ нимъ. Они сказали ему: „сядь и прочитай намъ въ слухъ“. И прочиталъ Варухъ въ слухъ имъ. Когда они выслушали всѣ слова, то съ ужасомъ посмотрѣли другъ на друга и сказали Варуху: „мы непременно перескажемъ всѣ сіи слова царю“. И спросили Варуха: „скажи же намъ, какъ ты написалъ всѣ слова сіи изъ устъ его“? И сказалъ имъ Варухъ: „онъ произносилъ мнѣ устами своими всѣ сіи слова, а я чернилами писалъ ихъ въ этотъ свитокъ“. Тогда сказали князья Варуху: „пойди, скройся, ты и Іеремія, чтобы никто не зналъ, гдѣ вы“. И пошли они къ царю во дворецъ, а свитокъ оставили въ комнатѣ Елисама, царскаго писца, и пересказали въ слухъ царя всѣ слова сіи. Царь послалъ Іегудія принесть свитокъ, и онъ взялъ его изъ комнаты Елисама, царскаго писца; и читалъ его Іегудій въ слухъ царя и въ слухъ всѣхъ князей, стоявшихъ подлѣ царя. Царь въ то время, въ девятомъ мѣсяцѣ, сидѣлъ въ зимнемъ домѣ, и предъ нимъ горѣла жаровня. Когда Іегудій прочитывалъ три или четыре столбца, царь отрѣзывалъ ихъ писцовымъ ножичкомъ и бросалъ на огонь въ жаровнѣ, доколѣ не уничтоженъ былъ весь свитокъ на огнѣ, который былъ въ жаровнѣ. И не убоялись и неразодрали одеждъ своихъ ни царь, ни всѣ слуги его, слышавшіе всѣ слова сіи. Хотя Елнафанъ и Делаія и Гемарія упрасивали царя не сожигать свитка, но онъ не послушалъ ихъ. И приказалъ царь Іерамеилу, сыну царя, и Сераи сыну Азріилу, и Селеміи сыну Авдіилу,—взять Варуха писца и Іеремію пророка. Но Господь сокрылъ ихъ. И было слово Господне къ Іереміи, послѣ того какъ царь сожегъ свитокъ и слова, которыя Варухъ написалъ изъ устъ Іереміи, и сказано ему: „возьми себѣ опять другой свитокъ и напиши въ немъ всѣ прежнія слова, какія были въ первомъ свиткѣ, который сожегъ Іоакимъ, царь Іудейскій; а царю Іудейскому Іоакиму скажи: такъ говоритъ Господь: ты сожегъ свитокъ сей, сказавъ: зачѣмъ ты написалъ въ немъ: „непредѣнно при-

детъ царь Вавилонскій и раззорить землю сію, и истребить на ней людей и скоть“, — за это такъ говорить Господь объ Іоакимѣ царѣ Іудейскомъ: „не будетъ отъ него сѣдѣющаго на престолѣ Давидовомъ, и трупъ его будетъ брошенъ на зной дневный и на холодъ ночный; и посѣщу его и племя его и слугъ его за неправду ихъ, и наведу на нихъ и на жителей Іерусалима и на мужей Іуды все зло, которое Я изрекъ на нихъ, а они не слушали“.

И взявъ Іеремія другой свитокъ и отдалъ его Варуху писцу, сыну Ниріи, и онъ написалъ въ немъ изъ устъ Іереміи всѣ слова того свитка, который сжегъ Іоакимъ, царь Іудейскій, на огнѣ; и еще прибавлено къ нимъ много подобныхъ тѣмъ словъ“ (Іер. 36).

Совсѣмъ иное отношеніе къ книгѣ было не далѣе, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ на глазахъ того же Іереміи. Около 621 г. въ домѣ Господнемъ случайно найдена была первосвященникомъ Хелкіей книга закона и дана для прочтенія писцу Шафану, а этотъ счелъ нужнымъ познакомить съ нею благочестиваго Іосію—отца Іоакима. „Когда услышалъ царь слова книги закона, то разодралъ одежды свои и повелѣлъ царь первосвященнику и своимъ высшимъ чиновникамъ, говоря: пойдите, спросите Господа за меня и за народъ и за всю Іудею о словахъ сей найденной книги, потому что великъ гнѣвъ Господень, который воспылалъ на насъ за то, что не слушали отцы наши словъ книги сей, чтобы поступать согласно съ предписаннымъ намъ“. (4 Цар. 22; 8—13). Мало того, подкрѣпленный въ собственномъ мнѣніи о важности книги авторитетнымъ словомъ пророчицы Олдамы, царь послалъ вѣстниковъ и собрали къ нему всѣхъ старѣйшинъ Іуды и Іерусалима. И пошелъ царь въ домъ Господень, и всѣ Іудеи, и всѣ жители Іерусалима съ нимъ, и священники, и пророки, и весь народъ отъ малаго до большаго, и прочелъ въ слухъ ихъ всѣ слова книги завѣта, найденной въ домѣ Господнемъ. Потомъ всталъ царь на возвышенное мѣсто и заключилъ предъ лицомъ Господнимъ завѣтъ—послѣдовать Господу и соблюдать заповѣди Его и откровенія Его, и уставы Его отъ всего сердца и отъ всей души, чтобы выполнить слова завѣта сего, написанныя въ книгѣ сей. (23; 1—3).

Намъ нѣтъ нужды давать особую вѣру талмудическому

сказанію о томъ, что Ахазъ скрылъ книгу ученія о Богѣ, Манассія уничтожилъ священные документы, а Амонъ сжегъ божественное ученіе ¹⁾; равно какъ и странному сказанію о чудесномъ возстановленіи Ездрую сожженнаго закона въ количествѣ девяноста четырехъ книгъ, въ теченіе сорока дней при помощи пяти писцовъ, способныхъ писать скоро, — послѣ того, какъ онъ—Ездра выпилъ сосудъ, наполненный какъ бы водою, но цвѣтъ того былъ подобенъ огню. (3 Ездры, 14).

Книгамъ, которымъ по ихъ важному значенію высшею волею суждено остаться на будущія времена, навсегда, на вѣки — не грозятъ ни огонь, ни вода. Что не люди грозятъ имъ, а скорѣе книги людямъ — это мы знаемъ и безъ талмудическихъ измышленій и апокрифическихъ сказаній.

Тотъ же самый пророкъ Іеремія, книгу котораго напрасно думалъ совсѣмъ уничтожить Іоакимъ, въ четвертый годъ Седекіи (около 593 г.) вписалъ въ одну книгу всѣ бѣдствія, какія должны были придти на Вавилонъ, всѣ рѣчи написанныя на этотъ городъ насилія и гордыни и сказалъ Сераи, главному постельничему царя: „когда ты придешь въ Вавилонъ, то смотри, прочитай всѣ сіи рѣчи... и когда окончишь чтеніе сей книги, привяжи къ ней камень и брось ее въ средину Евфрата и скажи: такъ погрузится Вавилонъ и не возстанетъ отъ того бѣдствія, которое Я наведу на него“... (Іер. 51; 59—64). Давно тому назадъ по слову пророческому стерть съ лица земли Вавилонъ, а слово которое Господь изрекъ о Вавилонѣ чрезъ пророка Іеремію, хотя оно и было потоплено въ Евфратѣ, мы можемъ читать и до сего дня (гл. 50—51).

Судящее слово, лишь только оно послано, — оно остается не гибнущимъ до послѣдняго дня (Лук. 16; 29—31; Іоан. 12; 48), съ тою конечно цѣлю, чтобы — будутъ ли слушать его, или не будутъ — зналъ всякій мятежный домъ, что былъ пророкъ среди нихъ (Іез. 2; 5—10), оставившій исписанный свитокъ о всемъ томъ, относительно чего дана ему была высшая заповѣдь — что сказать, и что говорить (Іоан. 12; 49).

¹⁾ Hamburger. Real Encyclopädie für Bibel und Talmud. 1884. B. 1, s. 91.

И къ намъ были посланы своего рода пророки съ словомъ,—судящимъ или оправдывающимъ насъ по мѣрѣ того или иного нашего отношенія къ нему, — съ словомъ на собственномъ нарѣчїи, въ которомъ мы родились (Дѣян. 2; 8).

„Аще въпросиши словенскїа букаря, глаголя: кто вы письма сотворилъ есть, или книги преложилъ? то вси вѣдятъ и отвѣщавше рекутъ: святой Константинъ философъ, той намъ письма сотвори, и книги преложи, и Меродїй братъ его... Такъ разумъ, братіе, Богъ есть даль словѣнамъ, Ему же слава, и честь, и держава, и поклоненіе нынѣ, и присно, и въ безконечныя вѣки. Аминь“.

Память, конечно сохранившая лишь очень смутныя воспоминанія о томъ великомъ событіи, когда и при какихъ въ подробностяхъ обстоятельствахъ Богъ есть даль чрезъ слово славянамъ разумъ, удержала впрочемъ одну очень важную черту о томъ, что св. Константинъ—Кириллъ, шедъ на дѣло просвѣтительное, по первому обычаю на молитву се наложи и съ инѣми поспѣшники. въ скорѣ же емоу Богъ яви, послушае молитвъ своихъ рабъ. и абїе сложи письма, и начеть бесѣду писати евангельску: „Испрѣва вѣ слово, ѡ слово вѣ оу Кѣ. и Кѣ вѣ Слово“. и прочее.

Присносущное Слово произвело въ дальнѣйшемъ для жаждущихъ рѣки воды живой. Философъ Константинъ въ теченїи трехъ годовъ и четырехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ у Славянъ въ Моравїи, научилъ многихъ учениковъ своихъ всему церковному чину, — Утренницѣ, Часамъ, Вечернѣ, Повечерїю и тайной Службѣ, т. е. литургїи.

И ѡверзошесе по пророческомъ словеси оушеса глуухыхъ, и оуслышаше книжнаа словеса, и ѡезыкъ ѡсьнь бысть гугнивыхъ (ср. Исаїи 35; 5—6).

Такъ и должно бы было быть „людемъ нашимъ поганства се отвергшимъ и по христіанскы се законъ держащемъ“, или лучше желавшимъ держать. Ибо „Богъ велитъ всакому, дабы въ разоумъ истинный пришелъ и на больши се чинъ стежалъ“.

Предъ труднымъ и больнымъ тѣломъ—философомъ—равно-Апостоломъ, прежде нежели онъ началъ свое великое дѣло, однако возставалъ смущавшїй его вопросъ: „Кто можетъ

на воду босѣду писати?¹⁾ Что выйдець изъ этого труда?²⁾ Но онъ разрѣшился для него совершенно по христіански—самоотверженно. Предъ смертью Кирилль увѣщеваль брата своего Меѳодія не покидать начатаго труда. Онъ говорилъ: „трудились мы съ тобой, какъ пара воловъ подъ ярмомъ; вотъ я падаю среди поля, на бороздѣ. Прошу тебя, не оставль земель славянскихъ“!

Братнее завѣщаніе о недопаханномъ полѣ было выполнено: великій архіепискупъ Меѳодій предложи вся уставныя книги отъ еллинска языка на словѣнскѣ. Такъ снова, не оставляя челоуѣча рода безъ разума, но вся къ разуму приводя и спасенію, разумъ Богъ есть далъ Словѣномъ чрезъ Кирилла и Меѳодія.

Всѣ свои труды „трудень сый и болѣнъ тѣломъ философъ“, вмѣстѣ съ своимъ братомъ сложили (кто можетъ на воду писати?) для храненія въ церковь Бога живаго, которая есть столпъ и утвержденіе истины (1 Тим. 3; 15).

Сюда-то должны были приходить и приходили напн предки почерпнуть живой воды, какъ изъ дорогаго колодезя, даннаго имъ отцами (Іоан. 4; 6 — 12), чтобы утолять свою духовную жажду.

Въ старинномъ Святославовомъ (1076 г.) религіозно-нравственномъ сборникѣ они читали: „добро есть, братіе, почитаніе книжное, паче всякому христіанину: блажени бо, рече, испытающіи свидѣнія Его, всѣмъ сердцемъ възыщуть Его (Псал, 118; 2). Что бо рече: „испытаящіи свидѣнія Его“? Егда чтеши книги, не тщися борзо изчести до другія главизны; но поразумѣй что глаголють книги и словеса та и трижды обращаая къ единой главизнѣ. Рече бо: въ сердцы моемъ скрыхъ словеса Твоя, да не согрѣшу Тебѣ (Псал. 118; 11). Не рече: усты тоцію изглаголахъ, но и въ сердцы скрыхъ, да не согрѣшу Тебѣ. И поразумѣвая убо истинно писанія правимъ есть ими. Реку же: узда коневи прави-

¹⁾ „Востоку христіанскій“. Первое путешествіе въ Афонскіе монастыри и скиты. Ел. Порфирія Успенскаго. Кіевъ. 1877 г. ч 2, стр. 114—118.

²⁾ Не здѣсь ли имѣеть происхожденіе наше присловье до сихъ поръ обращающееся въ устахъ народа: „писать на водѣ вилами“. „Вилами на водѣ писано“. Его употребляютъ тогда, когда хотятъ сказать, что такое или иное предпріятіе не обѣщаетъ вѣрнаго успѣха предпринимателю.

тель есть и вздержаніе (ср. Псал. 31; 9): праведнику же книги. Не составить бо ся корабль безъ гвоздѣй, ни праведникъ безъ почитанія книжнаго; и якоже плѣнникомъ умъ стойтъ у родителей своихъ, тако и праведнику о почитаніи книжнѣмъ. Красота воину — оружіе и кораблю — вѣтрило: тако и праведнику — почитаніе книжное. Открый бо, рече, очи мои, да разумѣю чудеса отъ закона Твоего, — (Псал. 118; 18) очи бо, глаголетъ, размысль сердечный и прочее.

„Не скрый отъ мене заповѣдей Своихъ (Псал. 118; 19) — разумѣй, яко не отъ очію скрый, но отъ разума и сердца. Тѣмже не похули и не поучающіяся, глаголя: прокляти уклоняющіися отъ заповѣдей Твоихъ (Псал. 118; 21), тѣмже и самъ ся похвали, глаголя: коль сладка словеса Твоя, паче меда устомъ моимъ, и законъ устъ Твоихъ паче тысящъ злата и сребра (Псал. 118; 103 — 72), и вспѣтъ глаголя: возрадуюся азъ о словесехъ Твоихъ, яко обрѣтая корысть многу (Псал. 118; 162) Корысть бо нарече словеса Божія, глаголя: яко обрѣтохъ, недостойнъ сый, такъ даръ, еже ми ся поучати словесемъ Твоимъ день и ночь“.

„То мы, братія, поразумѣимъ и послушаемъ разумными ушима, и поразумѣимъ силу святыхъ книгъ. Послушай ты житія.... святаго Кирилла философа и инѣхъ многъ святыхъ, како и ти спрва повѣдаютъ о нихъ, рекуще; измлада прилежаху святыхъ книгъ, та же и на добрая дѣла подвигнушася. Вижь, како ти начатокъ добрымъ дѣломъ — поученіе святыхъ книгъ. Да тѣмъ, братія, и сами подвижемся на путь житія ихъ и на дѣла ихъ, и поучимся выну книжнымъ словесемъ, творяще волю ихъ, якоже велятъ, да и вѣчная жизни достойны будемъ, въ вѣки аминь“.

Этихъ завѣтовъ повидимому искренно желали держаться тѣ, которые слышали слова о почитаніи книжномъ и заповѣдали ихъ даже своимъ дѣтямъ. Въ поученіи Ксенофонта, иже глагола къ сынома своимъ, читаемъ: Азъ, чадѣ, реку вамъ:.... не оставихъ церкви Божія съ ея святыми книгами вечеръ, ни заутра, ни полудне... Тако и вы живѣте, чадѣ мои, да и вая Богъ ублажить и долготѣна явить и сотворить“.

Конечно здѣсь разумѣлось не формальное отправление обязанности приходитъ на извѣстное время въ церковь ве-

черь, утро и полудне и уходитъ изъ нея тѣмъ же, какимъ кто и приходилъ.

Желалось, чтобы каждый приходившій сюда обрѣталъ здѣсь въ книжныхъ словесахъ, предлагаемыхъ церковію, „корысть многу“ для сердца и разума. „Богъ велитъ всякому, дабы въ разумъ истинный пришелъ и на больши се чинь стежалъ“.

Но если всегда у нашихъ предковъ доставало сердца, — то не всегда доставало разума по отношенію къ книжнымъ словесамъ. Почитаніе книжное, удовлетворяя первое, т. е. сердце, давало отчасти ложное питаніе второму, т. е. разуму, мало, или совсѣмъ даже не дисциплинированному, слишкомъ пытливому и очень довѣрчивому. Святыя книги, положенныя въ святую церковь святыми мужами, стали мыслиться съ одной стороны какъ такія, которыя по своей важности и глубинѣ недоступны совсѣмъ для пониманія и уразумѣнія обыкновеннымъ человѣкомъ, съ другой какъ такія, въ которыхъ скрыты отвѣты на всѣ вопросы, способные волновать всякую душу человѣческую, которая и можетъ искать и можетъ находить здѣсь ихъ несомнѣнное разрѣшеніе.

Уже Владиміръ Мономахъ, писавшій въ своемъ „Поученіи“: не мозите ся лѣннити ни на что же доброе. Первое къ церкви: да не застанеть васъ солнце на постели... Заутреннюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцу, и узрѣвше солнце, и прославити Бога съ радостію, рекуще: „просвѣти очи мои, Христе Боже“, и „далъ ми еси свѣтъ Твой красный“... онъ самъ „сѣдя въ санѣхъ“ сознавался, что въ трудныхъ обстоятельствахъ, „вземъ Псалтирю въ печали, разгнухъ ю, и то ми ся выня: въскую печалуеши душе? въскую смущаеши мя?“

Не мы одни, конечно, платили эту дань книгамъ. Усиленный ея сборъ съ человѣка можетъ быть начался съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ появилось на свѣтъ писанное слово, — и люди съ одинаковымъ вниманіемъ вопрошали дерево, и жезлъ давалъ имъ (мнимый) отвѣтъ. (Осіи 4; 12. ср. Дѣяній 19; 19), „Погани суще“ и мы „чертамы и рѣзами не только чытаху; но и *гадаху*“. Явившееся слово, конечно, не могло тотчасъ же разсѣять тьму прежняго невѣденія. Оно искало человѣческихъ чуткихъ ушей; а чуткія

человѣческія уши искали и ловили это слово, но понимали его по своему. Не только язычники придавали слову великое значеніе, напр. Римляне выпавшимъ стихамъ Виргилія, но и Евреи, которымъ даны были высшіе завѣты и законоположеніе (Римл. 9; 4) въ лицѣ напр. равви Іоханана (3 вѣка по Р. Хр.) учили, что библейскій стихъ, пришедшій на умъ утромъ тотчасъ по пробужденіи, содержитъ нѣкоторое малое предсказаніе, или пророчество ¹⁾). употребле́ніе слова Божія, какъ средства узнавать будущее нашло доступъ и въ церковь христіанскую и на столько стало злоупотребленіемъ, что обратило на себя вниманіе отцовъ и учителей Церкви, а Вальсамонъ въ толкованіи на 61-е правило Трулльскаго собора говоритъ, что онъ могъ бы составить о различнаго рода злоупотребленіяхъ, между прочимъ и св. книгами, большую повѣсть. Даже священники не прочь были дѣлать вопросы о нѣкоторыхъ дѣлахъ къ Евангелію и псалмамъ Давидовымъ ²⁾).

Но если по своей высокой важности книга влекла къ себѣ русскаго человѣка, желавшаго устроить жизнь свою „по Божьи“ и въ ней онъ мнилъ находить отвѣтъ на всѣ свои запросы, иногда обличавшіе его еще младенческой ростъ; то съ другой стороны она его и отпугивала отъ себя тою же своею священною важностію.

Кажется можно утверждать, что и до сихъ еще поръ не изсякло совсѣмъ въ нашемъ народѣ то мистическое представленіе о книгѣ, какое онъ создалъ себѣ о ней и выразилъ въ извѣстномъ стихѣ „о книгѣ Голубиной“, вѣрнѣе „Глубинной“, какъ содержащей въ себѣ всю глубину премудрости, все „еже въ безднахъ“ а потому и требующей для уразумѣнія ея не обычныхъ читателей и истолкователей всякихъ тайнъ, въ ней содержащихся.

„Восходила туча сильна грозная,
Выпадала книга Голубиная

¹⁾ Hamburger В. 11, 3, 485.

²⁾ Правила св. Апостоль, св. Соборовъ вселенскихъ и по мѣстныхъ и св. Отецъ съ толкованіями. М. 1876 г. См. также Sortes Sanctorum при рѣчи С. К. Смирнова на годичномъ актѣ М. Д. А. того же 1876 года: Воспоминаніе о покойномъ ректорѣ Академіи А. В. Горскомъ, стр. 33–38.

И не малая, не великая;
 Долины книга сороку сажень,
 Поперечины двадцати сажень.
 Ко той книгѣ ко божественной,
 Сходилися, съѣжались
 Сорокъ царей со царевичемъ,
 Сорокъ князей со князевичемъ,
 Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
 Много народу людей мелкихъ —
 Христіанъ православныхъ.
 Никто къ книгѣ не приступится,
 Никто къ Божьей не пришатнется“ ¹⁾.

Володимиръ князь—просвѣтитель Руси св. крещеніемъ—
 принуждёнъ обратиться къ Давиду Ессеевичу съ просьбой:

„Ой ты, гой еси, премудрый царь!
 Прочти, сударь, книгу Божію!
 Объяви, сударь, дѣла Божіи
 Про наше житіе про свято-Русское!“

Но даже и премудрый Давидъ отказывается прочесть эту
 глубинную книгу, не малую—не великую на томъ основа-
 ніи, что ее

„На рукахъ держать—не сдержать будетъ,
 На налой положить Божій—не уложится.
 Я по старой по своей памяти
 Расскажу вамъ, какъ по грамотѣ“.

Отвѣты на различные вопросы Володимира къ Давиду
 даются „по старой памяти“. Въ ряду ихъ для насъ инте-
 ресенъ въ данномъ случаѣ вопросъ слагателей стиха „глу-

¹⁾ Изъ цитаты, встрѣчающихся въ большомъ числѣ и въ переводныхъ
 и самостоятельныхъ статьяхъ нашихъ старыхъ книжниковъ, можно замѣтить,
 что ими особенно былъ облюбованъ псаломъ 118, замѣчательный тѣмъ, что
 каждый изъ ста семидесяти шести стиховъ, его составляющихъ, посвященъ
 восхваленію Закона Божія,—откровеннаго слова Божія. Читая о фантасти-
 ческихъ размѣрахъ книги, невольно припоминаешь и библейское выраженіе
 того же псалма (ст. 96), что заповѣдь Господня безмѣрна обширна.

бинной книги“ о томъ: „какая книга всѣмъ книгамъ мати?“
Открывается, что мати книгамъ — Псалтирь, и она поло-
жена въ соборъ—церковь, всѣмъ церквамъ—мати.

„Стоить соборъ—церква посреди града Іерусалима;
Во той во церкви во соборной
Стоить престолъ божественный:
На томъ на престолѣ на божественномъ
Стоить гробница бѣла—каменная;
Въ той гробницѣ бѣлой каменной
Почиваютъ ризы Самаго Христа,
Самаго Христа, Царя небеснаго.
Потому соборъ—церква церквамъ—мати“.

Значить самая сущность „дѣла Божія про наше житье,
про свято-Русское“ заключена въ матери книгѣ—Псалтири,
хранящейся въ соборѣ—церкви, матери церквамъ, посреди
града Іерусалима.

„Кто же къ этой книгѣ приступится;
Кто къ Божьей пришатнется?“

Искренно желая сохранить за собою право называться
по тому же стиху глубинной книги „православными хри-
стіанами“, мы стали бояться читать книги. Утверждаютъ:
насъ воздерживалъ страхъ читать книги священныя изъ
опасенія, что мы можемъ сдѣлаться людьми ненамѣренно
не правомыслящими, ненарочитыми еретиками и врагами
правыхъ мнѣній и догматовъ. Книги важныя, но не удобно
уразумѣваемые, люди полуграмотные всегда предпочитаютъ
лучше не читать, чѣмъ читать, но не право разумѣть¹⁾.

Но разъ дана грамота; разъ явилось слово „о почитаніи
книжномъ“ — должно же было явиться для удовлетворенія

¹⁾ Любопытно, что не далѣе, какъ 6 февр. 1894 г. на собесѣдованіи со
старообрядцами въ Москвѣ о томъ, что „церковь неодолима и не поколе-
бима“, одинъ изъ раскольниковъ не пожелавшій объявить ни своего со-
гласія, ни имени, на вопросъ ему предложенный: во время антихриста по
какой книгѣ можно спастись?—послѣ многократныхъ отказовъ отвѣтилъ:
„при антихристѣ можно спастись книгой „Азбучкой“. „Она—главная книга:
всѣ прочія книги ей должны, а она—ни кому“. (М. Ц. Вѣд. 1294 г. № 7).

этой потребности „почитаніе книжное“ т. е. требующіяся книги.

Онѣ и явились. Однако же въ этомъ случаѣ не мимо насъ шло и древнее слово: „Меня—источникъ живой воды—оставили, а высѣкли себѣ водоёмы разбитые, которые не могутъ держать воды. (Іер. 2; 13).

Съ книгами, предложенными Кирилломъ и Меѳодіемъ стали мало по малу проникать въ народъ книги иныя,—правда,—для нашего времени, —если бы онѣ и сохранились, — почти невинныя: Рафли, Шестокрыль, Вороноградъ, Острономій, Зодій, Альманахъ, Звѣздочеты, Аристотелевы врата и иные составы и мудрости еретическія, — какъ тогда рассуждали— „и коби бѣсовскія, которыя прелести отъ Бога отлучаютъ, и, въ тѣ прелести вѣруючи, многіе люди отъ Бога отдаляются и погибаютъ“.

Кто даже изъ простого народа знаетъ и вѣритъ теперь этимъ книгамъ? Но старое время, по праву, было осмотрительно. Церковь, устами Серапіона, епископа Владимірскаго (1274 г.), предусмотрительно говорила: „не послушахомъ Еуангелія, не послушахомъ Апостола, не послушахомъ пророкъ, не послушахомъ свѣтилъ великихъ, рьку Василья и Григорья Богословця, Іоанна Златоуста, инѣхъ святитель святыхъ, ими же вѣра утвержена бысть... И тѣ учаще ны безпрестани, а мы едина беззаконья держимся... Еще поганскаго обычая держитесь: волхвованію вѣруете... Отъ которыхъ книгъ, или отъ кыхъ писаній се слышасте?“...

Церковь желала, чтобы мы для утоленія жажды почерпали чистую воду и не изъ разбитыхъ водоемовъ. Но наша неподготовленность и вмѣстѣ наша опасливость на долгое время удержали насъ отъ пользованія чистою водою въ довольно мѣрѣ, до насыщенія... Жажда утолялась; но изъ водоемовъ не съ особенно чистою водою ученія. Книги „отреченныя“ своею массою и распространеніемъ закрывали отъ должнаго вниманія книги „истинныя“.

Правда и путь къ церкви, какъ хранилищѣ истиннаго знанія, не забывался совсѣмъ. Домострой Сильвестра (16 в.) училъ: „по вся дни, въ вечерѣ, мужъ съ женою и съ дѣтьми, и съ домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти вечерня, павечерица, полунощница“... Еще не особенно давно (1732 г. Татищевъ) въ „завѣщаніи сыну“ писалось:

„главнѣйшее есть вѣра, въ которой ты хотя часто разговорами пространнѣе отъ меня наставляванъ; но надлежитъ отъ самой юности даже до старости въ законѣ Божіи поучатися день и ночь и съ ревностью о томъ прилежать, дабы познать волю Творца своего: зане оное просвѣтитъ умъ твой, наставитъ тя на путь правый, есть единый свѣтъ стезямъ нашимъ и премудрость дражайшая паче злата, сребра и каменія драгоцѣнна, еже ничто достойно есть. Давидъ говоритъ: аще бы не законъ Твой поученіе мое былъ, тогда убо погиблъ быхъ (Псал. 118; 92). Для сего нужно тебѣ со вниманіемъ читать письмо святое, т. е. Библию и Катехизисъ; а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго главное мѣсто имѣютъ, В. Великаго, Григорія Назіанзина, Аѳанасія Великаго и Феофилакта Болгарскаго, также печатныя въ нынѣшнія времена истолкованія десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за Катехизисъ, а малая Букварь (Прокоповича 1724 г.), или „Юности честное зеркало“ за лучшее нравоученіе служить могутъ; и всѣ безъ изъятія читать и силу ихъ познать полезно“.

Но явились новыя вѣянія, и чѣмъ далѣе уходило время отъ тѣхъ дней и близилось къ нашему, тѣмъ болѣе старыя добрыя, какъ ихъ называли, обычаи, хотя и въ части только общества, „изшатывались“; стали нарушать завѣтъ отцовъ и измѣнять ему; важныя „написанныя законы“ стали считать какъ бы чужими... (Осіи 6; 7. 8; 12). Память объ этомъ увлеченіи (и понесенномъ за то наказаніи) сохранила таже церковь, которая хранила и хранить „важныя написанныя законы“... И если бы могъ возстать тогда ветхозавѣтный Іеремія (Мѡ. 16; 14), онъ вѣроятно повторилъ бы прежнія свои жалобы ко Іеговѣ: „о, Господи! Они не хотятъ принять вразумленія. И сказалъ я самъ въ себѣ: это, можетъ быть, бѣдники; они глупы, потому что не знаютъ... закона Бога своего; пойду я къ знатнымъ, и поговорю съ ними, ибо они знаютъ законъ Бога своего. Но и они всѣ сокрушили ярмо, расторгли узы. (Іер. 5; 3—5).

Одни сокрушили ярмо; другіе оставались невѣждами въ законѣ и трактовались сокрушившими и расторгнувшими высококомѣрно (Іоанна 7; 49), какъ глупцы и бѣдники во всякихъ смыслахъ. Однакожь эти, если не глупцы, то дѣй-

ствительные „бѣдняки“ во всякихъ смыслахъ, помнили ту тропу, которая была указана имъ издавна, какъ ведущая къ просвѣщенію и обогащенію.

Настала новая пора. Заговорили: мы мудры и законъ Господень у насъ! Осуждено прежнее увлеченіе; сказалась старая жажда... но въ то же время лживая трость книжниковъ стала усиленно превращать законъ Его въ ложь. (Іер. 8; 8).

Вмѣсто давно оставленныхъ и забытыхъ Рафлей, Воронограевъ, Аристотелевыхъ вратъ и т. под., стали плодиться и распространяться въ народѣ книги, пагубность которыхъ состоитъ въ томъ, что еретическія мысли въ каждой изъ нихъ предлагаются малыми дозами и что для прикрытія онѣ излагаются не рѣдко словами православныхъ учителей церкви, выхваченными изъ ихъ твореній внѣ связи съ предидущимъ и послѣдующимъ, а потому и извращающими первоначальный смыслъ въ нихъ вложенный. Приходя въ овечьей одеждѣ, хищные волки, не щадящіе стада и говорящіе превратно, чтобы увлечь учениковъ за собою, принимаютъ видъ блюстителей, поставленныхъ на то, чтобы пасти церковь Господа и Бога (Мѡ. 7; 15. Дѣяній 20; 28—30), и заываютъ—по внѣшности—какъ будто голосомъ истинныхъ пастырей: „Приди ко Іисусу“, „Іисусъ Назорей идетъ“; „Вѣришь ли, что ты грѣшникъ?“ Примирился ли ты съ Богомъ“ и предлагаютъ „Путь ко спасенію“. Они участливо спрашиваютъ: „Исполняете ли вы волю Божию?“ „Молишься ли ты?“ „Благодаришь ли Бога?“ и даютъ „Напоминаніе христіанамъ изъ слова Божія“ о томъ, „Что такое христіанинъ“ и въ чемъ состоитъ „Званіе христіанина и его значеніе“. Ихъ заботливость простирается до того, что они щедрою рукою или совсѣмъ задаромъ, или за полкопѣйки, раздають не только такія книги, какъ „Новая азбука“—для совсѣмъ не грамотныхъ или „Два слова о св. Библии“ для умѣющихъ читать; но и такія, какъ „Краткое руководство къ чтенію Новаго Завѣта“ или „Жизнь І. Христа“ и пр. и пр. уже для умѣющихъ, повидимому, разумѣть чтимое.

Судя по этимъ заманчивымъ заглавіямъ любитель почитанія книжнаго, все чаще и чаще заявляющій о себѣ, можетъ подумать по прежнему довѣрчиво и простодушно, что

эти книжки и есть та „грамота Христова“, слушать которую старался собирать на всякую недѣлю какъ можно болѣе людей изъ своей паствы въ церковь еще Кирилль Туровскій. (12 в.) Какъ соблазнительно, не утруждая себя по прежнему неуклоннымъ посѣщеніемъ церкви, во всякую удобную, но съ часу на часъ все болѣе и болѣе становящуюся дорогою въ жизни минуту, прочесть самому „Благую и Радостную вѣсть“ „О готовности I. Христа принимать грѣшниковъ“, узнать—что „Онъ любитъ меня“ и пр. и пр. и получить утоленіе жаждѣ душевной. А между тѣмъ всѣ эти и подобныя имъ брошюры и книги церковнымъ разумѣніемъ и властію признаны особенно вредными и долженствующими быть изъятыми изъ употребленія въ народѣ ¹⁾).

Скорѣе почуявъ, нежели ясно опознавъ подъ овечьими кожами хищныхъ волковъ, разхищающихъ стадо, народъ нашъ выражаетъ ясно желаніе собраться въ прежнюю ограду, сознательнѣе слушать въ церкви „Христову грамоту“, отъ лицъ уполномоченныхъ церковью на учительство. Онъ понимаетъ, что невозможно сдѣлаться мудрымъ на столько, чтобы углубляться самому въ тонкіе обороты притчей, изслѣдовать сокровенный смыслъ изрѣченій и заниматься загадками притчей тому, кто правитъ плугомъ, гоняетъ волвъ и занятъ работами; чье сердце занято тѣмъ, чтобы проводить борозды, сидѣть у наковальни и думать объ издѣліи изъ желѣза, или вертѣть своими ногами колесо горшечника и рукой своей давать форму глинѣ и т. п. — чѣмъ всѣмъ поддерживается быть житейскій (Сир. 38; 25—39. 39; 2—3).

Для пріобрѣтенія книжной мудрости не только нужно благопріятное время досуга отъ тѣхъ работъ, которыми поддерживается быть житейскій; но и многія другія разнообразныя условія, даже лежащія внѣ круга той неприглядной житейской обстановки, въ которой поставленъ кто-либо. Эти малоблагопріятныя условія, поскольку казались они нашимъ

¹⁾ Списокъ книгъ—хотя въ количествѣ 117, но вѣроятно не полный—не церковнаго направленія данъ былъ въ Твер. Епарх. Вѣдомостяхъ и перепечатанъ въ 44-мъ № Моск. Церковныхъ Вѣдомостей за 1893 г. Болѣе трети ихъ признаны были еще въ 1886-мъ году особенно вредными. А можетъ не малое число такихъ явилось и распространилось съ тѣхъ поръ.

предкамъ не легко преоборимыми, настолько успѣшно воспитывали въ нихъ постоянно укрѣпляемую мысль о томъ, что для уразумѣнія смысла св. книгъ нужно толкованіе; и отважиться понимать и толковать ихъ самому читающему и ищущему книжной мудрости—можетъ быть значить подвергать себя опасности впасть въ еретическія заблужденія. Отсюда дѣлался выводъ, что книги важныя—лучше не читать, чѣмъ читать, да не право разумѣть ¹⁾). И читать ихъ, и толковать можно и должно лишь при извѣстныхъ условіяхъ: „попу—и книги въ руки“.

Если этой старой поговоркой, сложенной еще темнымъ народомъ, теперь такъ ищущимъ свѣта, когда его уши приклонены къ книгѣ закона, —отдаются „книги въ руки попу“, съ тѣмъ чтобы онъ читалъ ему—народу изъ книги закона Божія внятно и присоединялъ толкованіе, дабы народъ понималъ прочитанное (Нееміи 8; 3—8): то, конечно и безспорно, этою же самою поговоркой читатель и толкователь закона Божія народу освобождается отъ всѣхъ тѣхъ занятій, безъ которыхъ ни городъ не построятся, ни жители не населятся и не будутъ жить въ немъ,... отъ всего того, что поддерживаетъ быть житейскій. (Сир. 38; 37—39).

Когда наши первоучители, прелагая на славянскій языкъ книги закона Божія, дошли до словъ пророка Исаи: „еще не много, очень не много... и въ тотъ день глухіе услышатъ слова книги, и прозрятъ изъ тьмы и мрака глаза слѣпыхъ“ (29; 17—18),—съ какою удвоенною ревностію стала трудиться эта „пара воловъ подъ ярмомъ“ до паденія другъ за другомъ на бороздѣ среди поля еще не до конца и не столь глубоко вспаханнаго, какъ бы имъ этого желалось! Въ эти минуты, какъ смѣемъ думать и вѣрить, предъ ихъ проникновеннымъ умнымъ взоромъ предносилась картина такого будущаго славянъ, когда если кому-либо изъ нихъ, научившемуся читать, подадутъ книгу и скажутъ: „прочитай ее“,—онъ не отвѣтитъ: „не могу, потому что она залечатана“ для моего разумѣнія; и если передадутъ

¹⁾ Исторія Р. церкви Е. Е. Голубинскаго 1-я половина 1-го тома, стр. 608—613.

ее другому съ тѣмъ же приглашеніемъ: „прочитай ее“,— и этотъ не отречется, говоря: „я не умѣю читать“. (Исаи 29; 11—12).

Конечно и наши предки желали псаломски исповѣдоваться предъ Богомъ своимъ и благодарить Его за то, что Онъ извлекъ ихъ—черезъ просвѣтителей—изъ тинистаго болота, поставилъ на камнѣ ноги ихъ и вложилъ въ уста новую пѣснь. Сердцемъ они порывались сказать: „вотъ иду; я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и законъ Твой (или вѣрнѣе желаніе знать и исполнять его) у меня въ сердцѣ“. (Псал. 39; 3—9).

Но „гаданія изъ древности“ (Псал. 77; 2) оставались не сбывшимися гаданіями,—рисовавшіяся картины картинами,—горячія желанья желаньями,... а дѣйствительность—дѣйствительностью...

Прошла тысяча лѣтъ, краткая только предъ очами Божіими, какъ день вчерашній, когда онъ прошелъ (Псал. 89; 5); но никакъ не краткая не только для единицы человѣческой, которой отмѣрена своя малая мѣра (ст. 10), а и для жизни народовъ...

Слово же, предложенное первоучителями, съ тѣхъ поръ гласило и гласить, что мы должны каждый лично достигать тѣхъ предѣловъ вѣденія, доколѣ придемъ въ мужа совершеннаго, въ мѣру полного возраста Христова, дабы мы не были болѣе младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству человѣковъ, по хитрому искусству обольщеній (Еф. 4; 13—14).

Въ виду этихъ соблазновъ, народныхъ массъ касается и начинается тревожить „Пророчество о Думѣ:—кричатъ мнѣ съ Сеира: сторожь! сколько ночи? Сторожь! сколько ночи?

Сторожь отвѣчаетъ: приближается утро; но еще нѣтъ. Если вы настоятельно спрашиваете,—то обратитесь, и приходите!“ (Исаи 21; 11—12).

Куда?

Прошла тысяча лѣтъ... Конечно и теперь ни кто не станетъ оспаривать того очень стараго положенія ветхозавѣтнаго мудреца, что книги завѣта Бога Всевышняго—какъ первый человѣкъ не достигъ полного познанія,—не излѣдуетъ ее также и послѣдній; ибо мысли ея полнѣе моря, и намѣренія ея глубже великой бездны (Сир. 24; 25—31);

но никто не подумаетъ ограничиться только и тѣмъ однимъ, чтобы приближаться къ Богу лишь устами своими, тогда какъ сердце т. е. пониманіе отстоитъ далеко. (Исаи 29; 13).

Желають— не жечь книгу, а читать ее, снявъ печати... „Божія нива“ требуетъ и насаждающаго ее и поливающаго (1 Кор. 3, 6—9); но она вмѣстѣ требуетъ и того, чтобы кто-либо изъ соработниковъ на этой нивѣ не „полагалъ другого основанія, кромѣ уже положеннаго“ (ст. 11) и—спящимъ человѣкомъ—не пришелъ на жаждущую посѣва ниву врагъ, чтобы сѣять плевелы вмѣсто пшеницы. (Мѡ. 13; 25).

Будемъ утѣшаться тѣмъ, что и для насъ уже минуетъ тотъ возрастъ „младенцевъ во Христѣ“, когда мы могли питаться лишь (иногда даже сомнительнымъ) молокомъ, а не твердою пищею. Если тысячу лѣтъ тому назадъ мы были для этого рода питанія еще не въ силахъ,—теперь силъ, конечно, прибавилось... (1 Кор. 3; 1—2). Настаетъ, какъ кажется, пора,—а разумѣется она должна же настать—когда съ возможно полнымъ и яснымъ уразумѣніемъ смысла исповѣданія, безъ опасенія питать щекотливое самолюбіе можно будетъ оглядываясь на прошлое сказать: „когда я былъ младенцемъ,—то по младенчески говорилъ, по младенчески разсуждалъ; а какъ сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое (1 Кор. 13; 11).

Не дожидаться пассивно-лѣнливо приближенія къ себѣ такого праздника (относительнаго) совершеннолѣтія, а дѣятельно прибавлять къ своему росту хотя бы локоть за локтемъ (Мѡ. 6; 27), чтобы достигать скорѣе мѣры полнаго возраста Христова (Еф. 4; 13), давая себѣ обильное требующееся питаніе,—вотъ что должно составлять (ибо самое время требуетъ) для насъ не далекую заманчивую мечту, а лишь только воплощеніе тѣхъ старыхъ трезвыхъ думъ, какими жили наши первоучители—„пара воловъ“—вспахивавшихъ поле и павшихъ на бороздѣ среди недопаханнаго не по ихъ винѣ поля.

Тысяча лѣтъ прошла... А поле до сихъ поръ не все еще вспаханно; чтѣ вспаханно—не все хорошо заборонено; не все вспаханное поле и засѣяно. Какая масса остается еще не вспаханною, не забороненною, не засѣянною. И удивляться ли, чтѣ въ дичи растутъ только плевелы? Рѣдко засѣянное поле не можетъ приносить и культивированныхъ плодовъ

ни во сто кратъ, ни въ шестьдесятъ, ни даже въ тридцать (Мѡ. 13; 8).

„Наслаждаясь, послѣ трудовъ, обильными плодами, которые принесла земля обѣтованная, израильтянинъ въ праздникъ Кущей всего живѣе могъ сознавать непреложность обѣтованій Божіихъ. Праздникъ могъ быть празднуемъ евреями съ полною свободою и въ полномъ довольствѣ... Каждый имѣлъ въ своихъ рукахъ (—совершенно осязательно—) плоды годовыхъ своихъ трудовъ, чѣмъ благословилъ его Богъ. Всѣ заботы теперь покончились. Ни одно время года (у евреевъ осеннее) не было такъ удобно для торжественнаго, радостнаго праздника“ ¹⁾.

Старое сѣновное торжество кажется и можно бы легко и слѣдовало бы превратить въ новое...

Но мы еще не можемъ праздновать своихъ праздниковъ съ такою великою радостію, съ какою праздновали евреи праздникъ Кущей. Да мы, пожалуй, и не празднуемъ...

Даже можно сказать, что и память о праздникѣ нашемъ великомъ хранить у себя не народъ, а лишь хранящаяся въ церкви книга...

*

¹⁾ Терновскій стр. 11.